

Татьяна Купер

РУССКАЯ ЖЕНА

Татьяна Купер
РУССКАЯ ЖЕНА

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Купер Т.

РУССКАЯ ЖЕНА / Т. Купер — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Книга основана на реальных событиях. Это исповедь женщины, потратившей большую часть жизни на поиск безусловной любви. Героиня восходит на Голгофу воспоминаний, перебирая в памяти свои незадавшиеся жизненные роли: «ненужный ребенок», «раба любви», «мать-одиночка», «пациент», а затем «русская жена» британского подданного, перешедшая в «нелегального эмигранта» на чужбине - без мужа, денег, визы, дома, родных и друзей. Но такая шокотерапия сработала, и вот она уже «птица-феникс», возродившаяся из пепла и сумевшая подняться ввысь в фантастическом оперении своей многогранной, уникальной индивидуальности. Книга является наглядным примером того, что самоисцеление и личная трансформация возможны. Это также книга-предупреждение для родителей: каждое ваше слово, вписанное в чистое сознание невинного ребенка, либо принесет богатый урожай, либо оставит за собой выжженную землю...

© Купер Т., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Татьяна Купер

Р

УССКАЯ ЖЕНА

© Copyright: Татьяна Купер, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Татьяна Купер

РУССКАЯ ЖЕНА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. Семь кругов ада

Глава 1. Нежеланный ребенок

Глава 2. Вина

Глава 3. Стыд

Глава 4. Голод по любви

Глава 5. Депрессия

Глава 6. Нехватка

Глава 7. Русская жена

Часть 2. Семь кругов возрождения

Глава 8. Пробуждение

Глава 9. Невинность

Глава 10. Книга Боли

Глава 11. Любовь к себе

Глава 12. Границы

Глава 13. Изобилие

Глава 14. Ролевые Игры

ЭПИЛОГ

Об авторе

Часть

1. С

емь кругов ада

Глава 1. Нежеланный ребенок

Мы все рождаемся невинными... Я появилась на свет в морозный январский день Русского Рождества – в древнем городе Киеве. Хотя я родилась здоровым и крупным ребенком, моими первыми картинками окружающего мира явились стены больничной палаты и решетки маленькой кровати. Сначала я лежала в одной из Киевских больниц, а затем молодая женщина закутала меня в тёплое одеяло и повезла на железнодорожный вокзал. Молодой человек, стоящий с нами на перроне, заботливо проводил женщину в вагон – на глазах у него были слезы. В отличие от него женщина выглядела удивительно радостной, и всё время пыталась его успокоить: «Всё будет хорошо! Мы ведь её скоро заберем!» Когда она беззаботно помахала ему на прощание рукой из вагонного окна, ему показалось это таким разительным по сравнению с его собственным ощущением неминуемой потери, что у него больно сжалось сердце...

Когда поезд прибыл на платформу одного из Московских вокзалов, женщина подхватила живой сверток и отправилась в другую больницу. Там она положила меня в кровать, опять помахала рукой и, весело напевая, исчезла в белом проёме двери. Большая неудобная палата стала моим домом в течение последующих десяти месяцев. Я думаю, мне не очень нравилось лежать вот так одной в кровати, хотя там были и другие дети, такие же маленькие и никому ненужные. В палату попеременно заходили медсестры в белых халатах – покормить и переодеть маленьких «отказничков», но они тут же уходили, и наступала тишина, только изредка прерываемая жалобным плачем.

Я тоже сначала плакала – иногда часами, иногда днями, но никто почему-то не приходил на мои крики. Наверно в какой-то момент я осознала всю бесполезность этого занятия, и поэтому замолчала, терпеливо ожидая следующего прихода сестер. Чаще всего меня навещала одна немолодая женщина, работающая здесь главной сестрой-хозяйкой. Она мне очень нравилась, так как она была особенно внимательна и проводила со мной много времени. Её звали Евдокией, и я всегда протягивала к ней свои маленькие ручонки, завидев её приземистую полную фигуру в проёме двери. Дело в том, что для детей двери в больнице всегда олицетворяют надежду. Когда же я научилась произносить первые слова, я стала называть эту женщину мамой. Ей это нравилось, и она не возражала.

Когда мне исполнился годик, врачи сказали Евдокии, что она больше не может держать свою внучку в больнице, и поэтому подготовили меня к выписке. У нее не было своего жилья – она всё потеряла во время войны, и теперь вот уже много лет жила в небольшой комнатке при больнице. Она написала своему сыну и невестке письмо, в котором спрашивала, собираются ли они забирать своего ребенка, на что они ответили вынужденным согласием.

Я опять оказалась в поезде, совершенно не понимая, что происходит вокруг, и куда мы едем. Когда мы прибыли в Киев, всё та же молодая пара отвезла нас в большую коммунальную

квартиру, которая и стала моим новым домом. Небольшая комнатка была явно перенаселена – в ней уже жили четверо взрослых и двое детей, и я никак не могла понять, кем мне приходились все эти незнакомцы. В начале 50-х годов жилья в Киеве катастрофически не хватало, и многие люди жили в подобных условиях. В квартире было еще три комнаты, в каждой из которых проживало по 6-8 человек, которые делили одну-единственную кухню, ванную комнату и туалет. Горячей воды и центрального отопления не было, и жители квартиры обычно топили печки и нагревали воду.

Мне не очень нравились все эти новые люди – мои новые мама и папа, а также мамина сестра Лена с мужем Лесиком и двумя детьми. Я всё время убегала от них и пряталась за надежную и знакомую спину Евдокии – она еще долго оставалась для меня мамой. В комнате было очень неуютно и временами даже страшно – окружающие люди пугали меня постоянными раздорами, криками и выяснением отношений. Говорят, если посадить много крыс в одну клетку, они становятся очень агрессивными и начинают друг друга грызть. Моя новая мама казалась очень далекой и безразличной, но это меня мало беспокоило – для меня она была просто тётёй, спящей на соседней кровати.

Мама потеряла своих родителей очень рано –отец умер, когда ей было всего девять лет. Он был военным командиром, и когда он ехал на велосипеде в свою часть его сбил на перекрестке военный грузовик. Это был 1939-й год – в Советской стране всё еще бушевали жесточайшие репрессии, поэтому его смерть могла показаться подозрительной, но я никогда не слышала, чтобы в семье это кто-то обсуждал. Мама была самым младшим ребенком в семье, и всегда чувствовала себя в полной безопасности за спиной старшей сестры и двух братьев. После войны их мама вернулась с девочками из эвакуации в Киев и, устроившись на работу в Почтамте, получила от них небольшую комнату, а братья Феликс и Вадик остались на какое-то время в Армии, а затем демобилизовались и осели в городе Ленинграде.

Через одиннадцать лет после смерти отца умерла от рака и их мать – к тому времени братья, а также сестра Лена уже обзавелись семьями. Маме было всего двадцать лет, и жизнь показалась ей очень несправедливой. Почему родители так рано ушли? Почему никто больше не обращает на неё внимания? Но, имея внешность неотразимой голливудской звезды, она быстро поняла, что внимание можно получить очень легко и в большом количестве – особенно у мужской части населения.

Однажды мама сильно влюбилась, но сестра убедила её в том, что этот человек недостаточно хорош для неё – он был из простой семьи и без высшего образования. Мама послушала сестру, но так и не смогла забыть свою любовь, и поэтому вскоре пожалела о своем решении. После потери любимого человека жизнь показалась ей еще более несправедливой. Кто-то должен был за это заплатить! Теперь она принимала свои собственные решения, которые оказались не самыми лучшими, и выбрала путь мести, манипуляции и саморазрушения, направив все свои силы на то, чтобы наказать и избавиться от самого близкого и родного человека – от своей сестры.

План мамы был до гениальности простым и до неприличия коварным. Обе сестры всё еще жили в маленькой комнатке, доставшейся им от матери, но так как семья Лены состояла из четырех человек, её шансы на владение комнатой оценивались намного выше. Наверняка маме однажды пришла в голову мысль, что она тоже может быстро создать семью, и тем самым увеличить свои собственные шансы на комнату.

Она встретила моего папу в городе Горьком, куда ездила навестить свою Университетскую подругу Лору. Папа, недавний выпускник Юридического факультета Московского Университета, проходил стажировку в конторе отца Лоры, где мои родители и познакомились. Мама была очень красивой и обаятельной женщиной, и неудивительно, что папа влюбился в неё с первого взгляда. Она не отвечала ему особой взаимностью, но, решив, что папа – вполне подходящая кандидатура, сразу же побежала с ним в загс. Предварительно она убедила его в

том, что является обладательницей собственной квартиры в центре Киева, а так как папа уже много лет скитался по общежитиям, то идея показалась ему крайне привлекательной. Когда молодожены возвращались в Киев, мама призналась в поезде, что она немного приврала, и они будут жить в коммунальной квартире. Папа, конечно, был немного разочарован, но и этот вариант казался вполне приемлемым. Каково же было его удивление, когда по приезду в Киев он обнаружил, что в маленькой комнатке большой коммунальной квартиры благополучно проживает еще и мамина сестра с мужем и двумя детьми. Но деваться было некуда, и молодая семья поселилась в комнате с нежеланными родственниками.

Следующий шаг мамы был тоже простым – создать невыносимую обстановку для родной сестры с мужем в надежде на то, что те не выдержат и уберутся восвояси. Для начала мама сказала папе, что муж Лены изнасиловал ее, пока все были на работе. При этом папа был крайне удивлен, с какой легкостью она произнесла эти слова – как будто это было незначительным событием в ее жизни. Никто до сих пор не знает, было ли это правдой или нет, но папа очень сильно рассердился и в тот же вечер подрался с Лесиком. Обстановка в доме действительно начала накаляться, но семья Лены не сдавалась и комнату не покидала.

Тогда мама забеременела и решила родить ребенка, хотя, положа руку на сердце, она не сильно хотела стать матерью. Но так как после моего рождения сестра всё еще не соглашалась покидать комнату, мама благополучно отправила меня в Москву – до лучших времен. Через год к этой войне охотно присоединилась моя бабушка, вернувшись со мной из Москвы и поселившись всё в той же злосчастной комнатухе, за которую теперь боролось восемь человек.

Мама, папа и бабушка теперь сделались настоящими союзниками. Они не гнушались никакими методами, чтобы избавиться от тети Лены и ее семьи. В ход шли жалобы и письма местным властям, порочащие тетю Лену и ее мужа. Их обвиняли в самых страшных грехах, и молодой адвокат папа четко обозначил статьи Уголовного Кодекса, по которым «враги народа» Лена и ее муж должны были быть отправлены в Сибирь. Даже в 50-е годы это всё еще практиковалось – Сталинская эпоха породила несколько поколений доносчиков.

Но тут заступились соседи, написали большую петицию местным властям, и отвоевали для Лены жизнь на свободе и возможность воспитывать своих детей. Но и это не остановило маму – ее неисчерпаемое воображение рождало всё новые и новые планы. После очередной неудачной кляузы директору института, где работала Лена, мама бросила в ход следующее оружие – «Тест на выживание». По ночам враждебной семье не давали спать – папа включал свет и громко декламировал свои стихи. Ему же надо было где-то практиковать свои первые шаги в литературе! Так как он всё равно нигде не работал, он мог хорошо отоспаться днём и набраться сил для очередной битвы. Тётя Лена и её муж продолжали жить на своей территории.

Первыми не выдержали мои родители. В один прекрасный день они собрали свои скудные пожитки, забрали меня и бабушку и отправились всё в тот же город Горький. Там они сняли комнату, нашли работу, и жить стало намного легче. Но это длилось недолго, так как через пару месяцев дом, в котором мы жили, сгорел дотла. Ходили слухи, что хозяева сами его подожгли, чтобы получить новое жилье от государства. Во время пожара папа и мама были на работе, и бабушка успела вынести только меня. Таким образом, сгорели все наши вещи и документы, и мы опять остались на улице. Но тут пришла хорошая новость – тётё Лене предложили работу в другом городе, и она уехала со своей семьей по распределению. Она больше никогда не вернулась в эту злосчастную комнату, которая, наконец, досталась маме в вечное пользование.

Это был мамин звёздный час! Сначала она пыталась уехать в Киев одна, но папа настоял на том, чтобы она взяла бабушку и меня, пока он останется и какое-то время поработает в Горьком – в Киеве работу было найти трудно. Возможно, маме не удалось найти приличного предлога для того, чтобы нас оставить, и поэтому ей пришлось нас взять с собой. Но по прибытии в Киев она прописала в комнату только себя – бабушка и я остались незарегистриро-

ванными, без прописки. Такого поворота событий папа не смог стерпеть и поэтому тут же, разъяренный, прикатил в Киев, прописав в комнату не только бабушку и меня, но и самого себя. Его любимая жена и верная союзница оказалась коварной предательницей и теперь пыталась разорвать союзнические узы и избавиться от всех участников конфликта, включая их собственную двухлетнюю дочь.

В ответ на папину незапланированную прописку мама бросила в ход своё следующее смертоносное оружие – кокетство и соблазнительный шарм, в чем ей не было равных! Она стала приводить домой мужчин, пытаясь опять создать в семье невыносимую обстановку. Пока она развлекала своей красотой и телом очередного поклонника, мы с бабушкой, под общее сочувствие соседей по квартире, отсиживались на кухне у плиты. Вернувшись с работы, папа обычно восстанавливал порядок – спустив мужчину с лестницы и устроив маме большую головомойку. Скандалы не прекращались ни днем, ни ночью. Именно тогда у меня начались ночные кошмары, я постоянно «заболевала» и меня увозили в больницу по Скорой помощи. По крайней мере, там я чувствовала себя в полной безопасности. Больничные тишина и покой мне были уже давно знакомы...

В конце концов, папа не выдержал такого семейного счастья и развелся с мамой. Мне было всего три года, но даже после развода мы продолжали жить в одной комнате, по одной простой причине – нам некуда было деваться. Мама по-прежнему, без всякого зазрения совести, приводила мужчин, заявляя, что это её комната, и она будет делать всё, что ей заблагорассудится. Когда папа напоминал ей о материнских обязанностях, она возмущённо отвечала: «Это ты меня уговорил родить, это ты хотел Таню – вот теперь её и воспитывай!». Еще она любила говорить соседям, что ничего не чувствует по отношению к дочери, как будто те собирались ей по этому поводу сочувствовать!

Я была совершенно юной, чтобы что-то понимать, и поэтому предпочитала держаться в стороне. Как и все рядовые советские дети, я ходила в ясли, потом в детский садик, а в перерыве между больницами и болезнями, играла со сверстниками во дворе. Мы жили на большой горке в центре города, где было множество двориков, и в летнее время мы играли с соседскими ребятами в бесконечные разбойники и лапту, а зимой катались на лыжах, санках или коньках.

Дома я играла со своей единственной куклой и ухаживала за ней, как настоящая мама. Даже в этом возрасте я знала намного больше о материнстве, чем моя взрослая мама.

В общем, всё было, как у всех нормальных детей, только я жила с людьми, к которым совершенно не была привязана. Я называла их папой и мамой, но они были далёкие и чужие. Большую часть времени они не обращали на меня внимания, и были заняты только собой. Я же, в свою очередь, жила в своем собственном детском мире, где их практически не существовало. С самых пелёнок они не прикасались ко мне, не кормили, не пеленали. Им никогда не знакомо было это трепетное родительское чувство, когда хочется прижать к себе драгоценное маленькое существо, защитить его от всех напастей, дать ему свою бескорыстную любовь и ласку, заботу и поддержку. Так получилось, что я жила в своем мире по имени Одиночество, куда никогда не ступала нога моих родителей.

Еще в больнице я выучила свой первый урок – сколько бы я не звала и не плакала, никто не придет и не успокоит меня. Благодаря этому уроку я превратилась в тихого безропотного ребенка, который ничего не требует от взрослых и никогда не докучает им своими бесконечными просьбами, желаниями или дурацкими вопросами. Я всегда находила для себя занятия, и в возрасте пяти лет даже сама научилась читать, что было для меня предметом особой гордости.

Мои родители и я продолжали быть соседями по комнате, живущими вместе по какому-то странному стечению обстоятельств. Я не хотела знать, почему они спорят и ругаются, почему они ненавидят друг друга и почему они такие обозленные и безразличные. Я не спрашивала себя, почему мама потеряла всякий стыд, и приводит к нам домой такое количество незнако-

мых мужчин. Я просто заблокировала все свои чувства по отношению к членам своей семьи. Возможно, поэтому у меня не осталось никаких радостных детских воспоминаний – я не помню ни любви, ни подарков, ни дней рождений. Я не помню ничего. Потому что ничего этого не было...

В семь лет я пошла в школу, которая находилась недалеко от нашего дома. В тот торжественный для меня день родители были, как всегда, заняты – мама пошла на работу, а папа вообще укатил в отпуск. Ни один из них не нашел нужным разделить со мной восхитительную радость первого школьного дня. С таким же безразличием они отнеслись и к моим дальнейшим школьным делам – никто не предлагал мне помощь с уроками, не ходил в школу поговорить с учителями или решить другие проблемы. Я опять была совершенно одна. В тот день в школу меня отвела бабушка, что и продолжала делать многие годы.

К тому времени в нашей коммуналке освободилась одна комната – соседская семья получила новое жилье на окраине города. Папа и бабушка добились у местного городского комитета, чтобы комната перешла в их владение. Хотя они могли немного подождать – можно было встать на очередь, и тоже получить новую квартиру. Но ждать никто не хотел – лучше маленькая комнатка сейчас, чем квартира в неизвестном будущем.

Новая комната была еще меньше предыдущей – всего 14 квадратных метров, и мы поселились в ней втроем. Теперь меня с матерью разделяла еще и стена – она стала настоящей соседкой. Много позже папа объяснил свое решение остаться в этой квартире тем, что не хотел разлучать меня с матерью. Но в действительности он даже не пытался взвесить мои интересы – он просто ни минуты не хотел оставаться в одной комнате с бывшей женой.

Но война между родителями на этом не закончилась – все участники драмы с прежним энтузиазмом продолжали поддерживать пламя войны, даже когда проблема с жилплощадью была решена. Когда люди живут в постоянном модуле драмы и войны, то жить иначе становится практически невозможно. Вопрос был только в том, что послужит следующим разжигающим топливом? Кто будет новым орудием ненависти и мести? Вот тогда то они и вспомнили про меня. Как будто было недостаточно того, что они меня не хотели – теперь я должна была еще подтвердить их собственную родительскую несостоятельность в глазах друг друга. После того, как родители до совершенства отточили самые низкие и коварные методы на родной сестре, использовать невинного ребенка в своих корыстных целях казалось вполне естественным продолжением.

Нет, родители не отнимали меня друг у друга, как это обычно делается в знаменитых голливудских фильмах – они просто использовали меня, чтобы доказать друг другу свою правоту. Я думаю, что отцу все еще было больно наблюдать, как его горячо любимая жена, его бывшая союзница, приводит домой незнакомых мужчин. Он негодовал, злился и обвинял ее в том, что она плохая мать, а она, защищаясь и оправдываясь в ответ, пыталась убедить всех окружающих, в том числе и себя, в совершенно обратном. Хотя все вокруг прекрасно знали, что эта женщина не способна позаботиться даже о собаке. Это выяснилось, когда однажды она принесла домой маленькую болонку – безумный восторг длился ровно пять дней, по истечении которых мама благополучно от нее избавилась. Всё, что она хотела в жизни, это любить и развлекать мужчин, превратившись в этакую современную советскую гейшу.

Она прекрасно знала, что не хотела быть матерью, но чего не сделаешь ради того, чтобы доказать свою правоту! Это был обычный сценарий, повторяющийся множество раз. В ожесточенном споре с отцом мама бросала мелодраматические фразы: «Я могу быть хорошей матерью! Отдайте мне Таню – она будет жить со мной!». Прекрасно зная о последствиях такого решения, папа и бабушка притворно и со злорадством соглашались, после чего меня переселяли в мамину комнату. Но всё всегда заканчивалось быстро и одинаково. Под вечер к маме приходили подруги с молодыми кавалерами, включался большой проигрыватель, и начинались танцы. Я помню, как я сижу в углу комнаты, в маленьком низком кресле, и наблюдаю за дви-

гающимися в медленном танце фигурами. Вот мама обвивает руками шею своего очередного партнера, и следуют долгие и страстные поцелуи...

Ее развлечения ненадолго прерывались, когда в комнату входили бабушка или папа, и уводили меня со словами: «Вот видишь, мы так и знали!». Но мама не сдавалась и каждый раз принимала мелодраматические позы, обвиняя их в том, что у неё «отняли ребенка». Поэтому она настоятельно и периодически меня «одалживала», но тут же забывала обо мне, как только часто меняющиеся партнеры уносили ее в танце под громкие звуки граммофона. И я опять сидела в углу комнаты и наблюдала задвигающимися в темноте тенями танцующих. Для меня так и осталось загадкой – зачем взрослые люди заставляли меня, маленькую девочку, за всем этим наблюдать?

Иногда мама приглашала меня только на минуту – когда приходили новые друзья, родственники или знакомые. Она заводила меня в комнату и громко объявляла: «Это моя дочка Танечка!». Знакомые всплёскивали руками и восклицали: «Какая большая девочка!», после чего мама с лёгкостью меня отпускала. И я уходила обратно к бабушке, чувствуя себя дурацким экспонатом, в то время как всё, чего мне хотелось – это быть чьей-то дочкой...

Апогеем этого цирка послужил наш первый и последний отпуск с мамой. Она сказала папе, что едет за город к подруге и хочет взять меня с собой, забыв при этом упомянуть, что «подруга» была вообще-то больше другом, иначе папа ни за что бы меня не отпустил. Он доверил меня этой женщине на целый месяц, прекрасно зная, что она не способна позаботиться ни о ком, кроме себя самой. Я предполагаю, что его решение было основано на возможности сказать в будущем: «Вот видишь, я был прав – ты не способна быть матерью». Так или иначе, безопасность ребенка явно не служила главным ориентиром в принятии этого решения.

Моя память едва хранит воспоминания о том лете, как о времени, проведённом с матерью. Большую часть отпуска я играла в саду с кроликами. Иногда мы ходили в деревню на базар – купить свежего молока и другие продукты, а иногда шли гулять в прилегающий к деревне лес и собирали там ягоды и грибы. Но только одно-единственное воспоминание глубоко врезалось в мою память и на всю жизнь оставило поистине неизгладимый след.

Был чудесный летний день, и мы опять пошли в лес за ягодами. На этот раз к нам присоединился её друг, хозяин дома, у которого мы остановились. Я всегда любила лес и теперь радовалась очередной прогулке, деревьям и свежему запаху сосен. В какой-то момент я заметила, что мама со своим спутником начинают отставать – мужчина сладострастно обнимал её за плечи, и она податливо отвечала. Я пыталась их подогнать: «Идемте скорее! Ну почему вы так медленно?». Но они не слушали, продолжая заговорщически смеяться и отмахиваясь от меня: «Иди вперед – мы тебя догоним!»

Мне было тогда восемь лет, и я была покладистой тихой девочкой – я не имела привычки спорить с важными взрослыми или докучать им своими прихотями. Я беззаботно побежала вперед по тропинке, совершенно не осознавая времени и направления, но с каждым шагом деревья становились всё более высокими и пугающими, и моё маленькое сердечко всё больше замирало от страха. И тут впервые в жизни меня охватил настоящий, панический, леденящий душу страх – я поняла, что совершенно заблудилась! Теперь лес казался бесконечным, а я металась по нему из стороны в сторону, в различных направлениях, в надежде найти хоть какую-нибудь знакомую тропинку. Я кричала и плакала навзрыд, громко и пронзительно, совершенно отчаявшись найти дорогу в деревню. Мне казалось, что я никогда её не найду, и со мной случится что-то страшное...

Помощь пришла неожиданно. Меня окликнул незнакомый мужчина, который стал спрашивать, где мои родители и где я живу. Задышавшись от слёз, я пролепетала, что живу с мамой у дяди в деревне. Тогда мужчина проявил истинное участие и предложил следовать за ним. Вскоре, к моему огромному облегчению и неизбывной радости, мы вышли на дорогу, ведущую к дому. На этом мои воспоминания обрываются. Я не помню, как объявилась мама

со своим лесным кавалером, и что последовало за этим. Испугалась ли она, что я потерялась, и обрадовалась ли, что я нашлась? Сокрушалась ли она, что оставила своего ребёнка в лесу, предавшись любовным утехам? В памяти остались одни пробелы...

По возвращении домой я, как честная гражданка, сообщила бабушке и папе о лесном происшествии. И последовало обычное: «Вот видишь, мы тебе говорили...» Моей матери тогда здорово досталось от отца и после этого ей больше меня не доверяли. Более того, папа подал на маму в суд, чтобы она начала платить алименты на мое содержание. За этим последовала проверка ситуации в семье со стороны социальных служб. Перед приходом официального представителя бабушка и папа дали мне четкие инструкции: «Если тебя будут спрашивать, с кем ты хочешь жить – скажи: с папой и бабушкой».

В комнату зашла очень приятная, средних лет, женщина. Она села напротив, посмотрела мне прямо в глаза и спросила ласковым тоном: «Танечка! С кем ты хочешь жить?». Впервые в жизни кто-то посмотрел мне в глаза и спросил, чего же я хочу. Как я могла упустить такую роскошнейшую возможность?! Поэтому повторить приготовленную ложь для меня было выше всяких сил. Я полностью забыла про написанный для меня сценарий и выпалила правду, известную только мне одной: «Я хочу жить с папой и мамой», чем сорвала все планы моего папы наказать маму и заставить ее платить алименты. Бабушка и папа остались очень недовольны и строго отчитали меня за такую строптивость и непослушание. Моим вторым жизненным уроком стало новое убеждение, что высказывать свои истинные желания – совсем небезопасное дело. Первое семя вины было посеяно...

Потерпев полное фиаско в лесу, и испугавшись, что ей придется платить алименты в течение последующих десяти лет, мама наконец-то сложила оружие и больше никогда не претендовала на роль матери. Правда, убедив себя при этом, что «эти ужасные люди» отняли у неё дочь, что помогло ей надолго и полностью избавиться даже от самых крохотных угрызений совести. Война между двумя враждующими лагерями закончилась, что принесло мне огромное, хотя и временное, облегчение.

Так как маме больше ничего не надо было доказывать, она ударилась в еще больший разгул, меняя мужчин чуть ли не каждый день. По какой-то совершенно необъяснимой причине она делала это совершенно открыто, я бы сказала, даже демонстративно и вызывающе. Эта демонстративность постепенно вылилась в такое бесстыдство, что соседей по квартире, у которых тоже были дети, начал возмущать этот полный и неприкрытый разврат. Они не стеснялись заявить свой протест прямо в лицо разгульной соседки, обзывая ее при этом всевозможными нецензурными словами. Мама не молчала в ответ и всегда с готовностью подхватывала вызов, бросая фразы, услышанные в каком-то дешевом спектакле, которые она любила посещать: «Я совершенно свободная женщина и могу делать всё, что я хочу! А вы мещане и обыватели, и никогда не поймёте, что такое настоящая любовь!»

Уходя на очередную охоту за любовником, мама обычно считала своим долгом заглянуть в нашу комнату – всегда весёлая, счастливая, нарядная, с уложенными перманентом волосами, ярко окрашенными бровями и губами, и непременно надушенная. Она пользовалась таким количеством духов, что после ее минутного пребывания запах в комнате оставался на целый вечер. Этот удушающий запах дешевых парфюмов запомнился мне надолго, и с тех пор я просто возненавидела духи.

Мама всегда весело сообщала, куда она идет – обычно это было кино, концерт или лекция, – и затем беззаботно исчезала в отвратительном шлейфе духов. Возвращалась она очень поздно, когда я уже была в постели. И еще долго за полночь мне мешали уснуть ее громкий, счастливый хохот и низкий баритон ее очередного спутника. Утром она обычно провожала его до входной двери – для этого она должна была пройти по длинному коридору, затем через общую кухню, где соседи готовили в это время завтрак. Она гордо шла впереди мужчины, мимо возмущенных соседей, и во весь голос пела свою любимую оперную арию, что-то вроде

«Сердце красавицы...» Зрелище было таким абсурдным, постыдным и трагикомичным, что мне хотелось провалиться сквозь половицы паркета на нижние этажи и очутиться где-то в тёмном подвале.

Однажды вечером мне было особенно одиноко, и меня потянуло к двери маминной комнаты. По её счастливому смеху я сразу поняла, что она была не одна. Я тихо стояла у запертой двери – за ней была моя мама, которая не хотела быть моей мамой. Вместо этого она предпочитала развлекать незнакомцев. Я нерешительно постучалась. Она долго не открывала, нетерпеливо спрашивая: «Что тебе надо?». Я ответила, что мне нужна какая-то книга, и продолжала стоять в ожидании, пока не услышала поворот ключа в замке. Дверь открылась, и на пороге тёмной комнаты я увидела обнажённую фигуру – мама даже не удосужилась накинуть на себя халат, и это полное бесстыдство опять обожгло меня, как горячим кипятком. Она сунула мне в руку книгу и быстро закрыла дверь, а я продолжала стоять перед закрытой дверью, с глупой книгой в руках.

В тот день я похоронила последнюю надежду на нормальные отношения с матерью. В свои девять лет я приняла безоговорочное решение, что никогда не буду такой, как она. Мало того, она стала для меня такой неприятной, что каждый раз, когда она пыталась дотронуться до меня или даже обнять, я отстранялась или брезгливо отдёргивала руку. Я не чувствовала ничего, кроме омерзения и отвращения, как будто боялась, что она может запачкать и меня... Мне всегда было грустно, что у всех детей есть мамы, и у них есть такая обошительная возможность получать родительскую ласку, любовь и заботу. Я даже мечтала, чтобы меня отдали в детский дом, чтобы кто-нибудь меня смог удочерить. И тогда у меня тоже были бы нормальные родители, как у всех...

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, папе всё же удалось заставить маму платить алименты, так как она до сих пор не принимала никакого участия в содержании её дочери. К тому времени наши отношения с матерью начали принимать странную форму – она пыталась быть моей подружкой. Она любила мне рассказывать о своих любовных похождениях и даже делилась довольно интимными проблемами, совершенно не задумываясь, какой эффект это может оказать на меня. Иногда она приглашала меня пойти с ней в кино или театр, и я соглашалась, но только из любви к кинематографу и театру. Мне не нужна была ещё одна подружка, мне нужна была мать, но это была единственно важная для меня роль, которую она отказывалась играть.

Так я познала первый из семи кругов ада, который можно назвать «Ненужность». Основные вехи и образы этого круга – белые стены больницы, блуждание в лесу и закрытая дверь – остались в моем подсознании надолго, пустив глубокие корни в последующее восприятие окружающего мира.

Глава 2. Вина

Два враждующих лагеря по-прежнему жили на разных территориях, и нас отделяла от мамы всего лишь тонкая стена. В новой комнате было ещё более тесно, и радость переселения длилась совсем недолго. Особенно недолго она длилась у папы – он по-прежнему был вынужден наблюдать фривольность бывшей жены. Я думаю, что этот немаловажный фактор повлиял на его решение вернуться в Москву и начать там всё сначала. Быстро был найден удобный предлог – его русскоязычные стихи трудно было опубликовать на Украине. Он просто сбежал, оставив меня в коммунальной квартире с двумя женщинами, ненавидевшими друг друга.

Теперь моим воспитателем была только бабушка. Бабушка была необразованной безграмотной женщиной – единственное, что она знала, это тяжелый труд с утра до вечера, – она всю жизнь ухаживала за чьими-то детьми, кого-то обстирывала или обшивала. У неё так же, как и у моей мамы, рано умер отец – ей было всего семь лет, и ее воспитывал отчим. Бабушка вышла из семьи, состоящей из двенадцати детей, и в шестнадцать лет она убежала из дома, потому что

не выдержала методов домостроевского воспитания. Ее детство прошло в дореволюционной России, когда главным орудием воспитания за столом была деревянная ложка – дети больно получали ею по лбу, если не вовремя открывали рот или брали еду без разрешения. По каким-то причинам, о которых она никогда не рассказывала, бабушка была сильно обижена на свою мать, и они всю жизнь не разговаривали. Впрочем, она не разговаривала и с остальными членами своей семьи – многочисленными братьями и сёстрами. Несмотря на это, она назвала меня в честь своей матери – Татьяной. Я не помню, чтобы бабушка проявила какие-либо эмоции при получении письма от своей сестры Ираиды, в котором та извещала, что в возрасте 96 лет их мать скончалась.

Бабушка была замужем два раза, но, по ее же словам, не любила ни одного из своих мужей. От первого мужа она сбежала после первого года замужества, а второй – отец моего папы – не вернулся с войны. Вернее он вернулся, но не к ней. Он привез с фронта другую женщину и даже женился на ней, не разведясь с бабушкой. Так что дедушка был еще тот гуляка. У них родился сын Сергей, и они прожили вместе 25 лет, пока он не умер от рака желудка. Обе жены дедушки подали заявление в отдел соцобеспечения на его военную пенсию, но обе получили отказ, причем на вполне законных основаниях – с первой женой он не жил многие годы, а второй брак был объявлен недействительным. Я видела дедушку только один раз – он приехал как-то навестить нас в Киеве. Мне было всего шесть лет, и он был еще одним случайным незнакомцем в моей маленькой жизни.

Больше мужчинами бабушка не интересовалась, и эта тема осталась для нее закрытой навсегда. Ни один мужчина не смог покорить ее суровое женское сердце – втайне она их всех презирала, причем с каким-то фанатичным, не терпящим никаких компромиссов упрямством. Исключением был только один мужчина, и только он один был дорог и мил ее огрубевшему сердцу – она инстинктивно направила на него все свои нерастроченные чувства. Это был её драгоценный сын. Она готова была положить в жертву себя и всех окружающих – лишь бы её сын «выбился в люди». Во имя этой святой цели она освободила его от всех обременительных обязанностей, включая даже бремя отцовства. При этом ему позволялось и сходило с рук буквально всё – любые вспышки гнева и оскорбления со стороны молодого дарования воспринимались ею как подарки свыше. Он был постоянным источником её гордости – у неё, у неграмотной женщины, сын стал членом Союза Писателей! Ничто не должно было стоять на его пути!

Она любила его так преданно и самозабвенно, как только может любить простая русская женщина, не знающая в жизни ничего другого. Иногда бабушка плакала, увидев своего любимого сына по телевизору, или умилялась от одного звука его голоса, когда он читал свои стихи, хотя сама она в них ничего не понимала. Наша комната всегда была открыта для его собратьев по перу, а также для вдохновлявших его «нимф». Бабушка щедро ставила на стол домашние угощения, которые она беспрерывно готовила на большой кухне. Вино и водка лились рекой, всё это попеременно закусывалось, а затем друзья-поэты начинали читать стихи и хвалить себя и друг друга за редчайшие поэтические шедевры.

Я любила эти домашние пиршества. Во-первых, потому что я могла вкусно покушать, а во-вторых, потому что никто меня не отчитывал и не ругал, и я могла просто тихо сидеть и слушать, поддавшись плавной мелодии стихов. С годами, особенно когда папа уехал в Москву, эти поэтические вечеринки устраивались в нашей квартире всё реже и реже.

После папиного отъезда в лагере бабушки и папы наступило временное затишье. Громкие скандалы с мамой перешли в холодную войну, где главным оружием стали мораль, шпионаж и пропаганда. Бабушка неусыпно следила за действиями мамы, показывая пальцем в ее сторону и неустанно повторяя: «Посмотри на неё! Совсем стыд потеряла. Проститутка последняя». Как будто было недостаточно того, что при живых родителях я осталась практически сиротой. Как будто было недостаточно, что на протяжении многих лет я наблюдала за низким падением моей

матери. Нет, бабушка почему-то считала своим долгом напоминать мне об этом, призывая в немые свидетели.

Каждый день она проповедовала ненависть, и мне приходилось выслушивать бесконечный поток недовольства и злобы. Она обычно говорила без остановки, монотонным ворчащим голосом, и в этой монотонности мне чудилась какая-то ужасающая безысходность. Это был даже не яд – это было больше похоже на бесконечный поток липкого гноя, который просачивался в уши, мозг, душу и душил каждую клетку моего организма. Так шли дни, месяцы и годы, а этот поток всё лился и лился, без остановки...

Я могу с достаточной уверенностью предположить, что только из-за любви к своему сыну бабушка взвалила на себя ношу моего воспитания. Она пожертвовала собой ради его карьеры, но теперь это самопожертвование явно оказалось для неё непосильной ношей, которую она продолжала нести, несмотря ни на что, наказывая меня за тяжесть этой ноши и заставляя слушать ее громкие стенания. Много позже я поняла – щедрый подарок любви предназначался совсем не мне...

Это была суровая, холодная женщина, не испытывающая сострадания ни к одному живому существу. В детстве я очень любила животных, и однажды принесла в дом бездомного котёнка. Бабушка разрешила мне оставить его в квартире, но при условии, что он не будет переступать порог нашей комнаты. Когда Мурка подросла, она стала частенько приносить котят, которых бабушка с такой же регулярностью топила в ведре с водой. Меня поражало, с какой бессердечностью она проделывала эту жестокую процедуру, и даже посмеивалась, когда один из котят не хотел захлёбываться и цеплялся за жизнь. Она потом рассказывала своим монотонным голосом, что она «помогла» ему веником или палкой, как будто речь шла о засолке огурцов или капусты. Бедная Мурка потом долго еще бродила в полной растерянности по квартире, в поиске своих котят, и эхо её бесконечного «Мяу» еще долго отдавалось в моих ушах.

Муркины котятки были не единственными жертвами бабушки. Дело в том, что бабушка любила побаловать свою семью свежей курятиной, и поэтому частенько покупала на базаре живых кур. Притащив домой очередную клушу, она без промедления, прямо у меня на глазах, перерезала ей горло ножом в кухонной раковине, при этом тоже посмеиваясь, если та сопротивлялась и пыталась избежать своей кровавой участи. Но от бабушки убежать было невозможно! Куриные котлеты были несомненно очень вкусными, но душераздирающие крики бедных кур и вид крови тоже преследовали меня долгое время. Обезглавленные куры попадали не только на наш стол. Еще она резала кур для соседей – никто в доме не мог это сделать лучше неё.

Бабушка не была верующей, никогда не ходила в церковь, не знала ни одной молитвы и слыхом не слыхала о щедрости Господней, которая учит доброте и прощению. Она вспоминала о Боге только в контексте наказания ближних за их смертные грехи, и на этом её религиозность заканчивалась. Наша комнатка превратилась в пуританскую келью, полностью позабытую Господом Богом, где от меня требовалось только одно – полное послушание. Бабушка воспитывала меня в большой строгости и любила поговаривать: «Тебя надо держать в ежовых рукавицах».

Именно «ежовые рукавицы» были главным инструментом её любви. Мне не разрешалось стричь волосы, и каждый день она заплетала мне длинные тугие косы, которые я просто ненавидела. Ее грубые неласковые руки делали мне больно, и у меня было ощущение, что на меня надевают смирительную рубашку. Моя одежда полностью состояла из перешитых старых тряпок, оставленных ей соседями, или из старых папиных вещей. Еда подавалась на стол более чем скромная, никаких излишеств – это было привилегией папы и его поэтов-собратьев. Чаше всего она варила какую-то бурду, напоминающую русские щи, и заставляла меня кушать их каждый день с большим количеством хлеба, на который впоследствии у меня была обнаружена аллергия.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, бабушка начала запрещать мне выходить на улицу и встречаться со сверстниками. Пуританская келья превратилась в настоящую тюрьму,

где я чувствовала себя в глубоком заточении – теперь мне разрешалось ходить только в школу. Мне позволялось выходить на улицу только в редких случаях, но за это нужно было дорого платить – бабушка приказывала мне встать на колени и просить разрешения. Я все еще была послушной и тихой девочкой и поэтому безоговорочно подчинялась – я опускалась на колени и со слезами на глазах умоляла её отпустить меня на улицу, или дать мелочь на каток, кино или мороженое.

В какой-то момент я уже не представляла, как можно выйти на улицу или получить карманные деньги просто так, без всяких усилий и унижений. Иногда я делала это недостаточно усердно, и тогда бабушка осыпала меня упреками: «Упрямая! Вся в мать!». Идеальным примером мог служить только её сын: «Вот он всегда становился на колени и вымаливал у меня прощения, и всегда целовал мне руки». Мой самый страшный грех состоял в том, что я не похожа была на её любимого сына, а больше напоминала ненавистную невестку. Для меня так и осталось непонятным, какие внутренние мотивы могли заставить эту женщину ставить беззащитного, осиротевшего и обделённого ребенка на колени и обвинять его в неблагодарности! Это был мой первый урок, полученный от бабушки – если хочешь получить что-то в жизни, ползай и умоляй...

«Неблагодарная» стало моим вторым именем. Бабушка всё делала по дому сама, и когда я проявляла инициативу, пытаясь ей помочь, она всегда отмахивалась: «Иди и делай уроки! Я сама!». Она не позволяла мне ничего делать, ревниво оберегая свои домашние дела, как будто я могла отнять у нее очередную возможность обвинить меня в неблагодарности. Ведь если я буду делать всё сама, как она сможет поддерживать моё чувство вины?

Мы жили в квартире без горячей воды, и раз в неделю бабушка водила меня в общественную баню. Там она снимала банный номер, где мы обычно вместе мылись. Я ненавидела эти походы, хотя баня была не так далеко – всего в десяти минутах от дома. Причиной этой ненависти был обжигающий мои внутренности стыд – мне было стыдно идти с бабушкой по улице. Я испытывала острую душевную пытку от одной только мысли, что кто-нибудь из знакомых или одноклассников увидит нас вместе! А вдруг люди догадаются о жестком контроле и о том, что она заставляет меня становиться на колени? А вдруг они заметят, что мы живем в нищете? А я стыдилась этой нищеты, как символа своего рабства.

Две самые главные женщины в моей жизни учили меня совершенно противоположному, показав мне не самый лучший пример проявления истинного женского начала, и тем самым полностью сбив меня с толку. Они были как два противоположных полюса – южный и северный. Мама была горячей, страстной, открытой до наивности женщиной, любящей всех и вся. Она любила мужчин, друзей, свои многочисленные хобби, путешествия и многое другое. Но в её любви было столько чувственности и жадности к удовольствиям, что она отдавалась этим удовольствиям без всякого стыда и укоров совести, начисто позабыв о близких людях. В её любви было столько эгоизма, что, в сущности, ничего весомого не досталось ни одному человеку – она распылила её на миллион частей, от которых, подобно крохотным каплям дождя, высушенным солнцем, не осталось даже и следа...

Бабушка была полной противоположностью. Это была ледяная, холодная женщина, окружившая себя забором ненависти. Остатки её доброты и нежности, похороненные на дне огрубевшей души, достались только одному человеку – ее единственному, ненаглядному сыну. Она тихо и молча провозгласила эту любовь, пожертвовав собой и посветив свою жизнь только этому одному человеку. Она готова была платить за эту любовь страданиями и унижениями, и нести свою ношу мужественно, с чувством долга и даже гордости, не позволяя себе никаких удовольствий или излишеств. Её истинное «Я» стало символом и выражением полного самопожертвования.

Одна женщина учила меня, как безответственно любить, другая – как с чувством долга ненавидеть. Это было мое наследие, моё жизненное пособие, которое в будущем должно было определить мою женскую судьбу.

В лагере папы и бабушки давно уже пахло жареным. Папа хотел забыть прошлое, как страшный сон, а бабушке всё еще хотелось поддерживать пламя холодной войны. Ведь она всегда была его верным союзником – во время войны и голодовки, во время домашней войны – сначала с тетей Леной, а затем с моей мамой. Эти войны и связанные с ними трудности были единственными вехами их совместного пути, единственной ниточкой, которая их связывала. А теперь он начал новую жизнь, стал большим человеком. А что досталось ей? Жизнь в чужом городе, в квартире с бывшей невесткой и внучкой на руках. Во время папиных приездов бабушка продолжала жаловаться на мою маму, пытаясь вызвать в нём жалость к ее незавидной участи – жалость сына и была той благодарностью, которую она так ждала. Она нажимала все возможные кнопки, но они почему-то больше не работали – папа отчаянно сопротивлялся и не желал ничего слышать. Бабушка не сдавалась и чем больше она настаивала, тем папа всё больше раздражался. Постепенно его раздражение начало переходить в бурный гнев – с битьём посуды и стёкол в серванте. Он кричал и оскорблял свою мать, бегал по комнате как разъярённое животное, попавшее в клетку, а мне только оставалось тихо сидеть и смотреть на него испуганными глазами.

Такова была сыновья благодарность за всю её многолетнюю заботу! А что хуже всего – он больше не хотел быть её верным союзником. Он принимал позу «Как ты посмела нарушить мое счастье и покой?», никогда не извинялся за свою грубость, потом уезжал в Москву совершенно обиженный, каждый раз при этом сообщая, что больше никогда не приедет, и денег давать не будет. Его мать молчала в ответ, и когда он уезжал, она, убитая горем, вымещала всё своё невысказанное возмущение на мне. Ей хотелось разделить свою тяжкую ношу со мной, и даже сделать меня ответственной за эту ношу. Каждый день она третиговала меня своим недовольством, которое походило на китайскую пытку, и эта пытка сводила меня с ума – капля за каплей, каждый день. Затем дни превращались в долгие месяцы, а месяцы – в долгие годы.

Теперь мир был не только жестоким и бездушным местом, он также стал длинной дорогой, по которой ты бредешь, еле передвигая ноги, потому что твоя ноша слишком тяжела. Я несла ношу вины за свою воспитательницу – за все ее чувства и страдания, за ее здоровье и благополучие, и даже за ее место жительства – ведь это из-за меня она приехала в Киев, оставив родную Россию.

Апогеем бабушкиного недовольства стал день, когда папа со своей новой московской женой Юлей решили произвести чистку в бабушкиных шкафах. Я уверена, что папа никогда не додумался бы до этого сам – ведь все его мысли были посвящены только поэзии. Но Юля невзначай упомянула, что, мол, у матери слишком много хлама и тряпок, и пора вынести это всё на помойку. Бабушка была в это время на даче у знакомых, как всегда ухаживая за чьими-то детьми. К своему несчастью я была совершенно свободна в тот день, и когда папа с Юлей попросили меня помочь, я без раздумий согласилась – мне самой не нравились эти забитые тряпками затхлые шкафы. Если честно, то в глубине души я их даже ненавидела – ведь бабушка шила мне из этих тряпок одежду. После нескольких часов усердного труда и насмешек над старой женщиной содержимое двух шкафов было успешно вынесено на помойку.

По возвращении бабушка получила самую большую душевную травму в своей жизни. Все её «богатства», включая закройки для знакомых, которым она пообещала что-то пошить, исчезли в одно мгновение ока. Сразу после ее возвращения папа с Юлей укатили обратно в Москву, и всё возмущение, прорывающееся из ран оскорблённой души, досталось только мне одной. Бабушка говорила об этом, по крайней мере, месяцев шесть – каждый день, изо дня в день, с утра до вечера. Ее сокрушению не было предела, и, конечно же, я опять была

самым неблагодарным существом на этой планете. К моему блюду, которое и так становилось несъедобным, был добавлен еще один ингредиент – вина за предательство.

Наверно, именно тогда в уголках её подсознания возник смутный коварный план. Её любимый сын и союзник во всех жизненных передрягах теперь ускользал от нее – у него была отличная карьера и новая женщина, которую он любил, слушал и обожал. А ей, его родной матери, приходилось терпеть его гнев, крики и оскорбления, а теперь вот еще и выброшенные вещи. Ей нельзя было даже пожаловаться на бывшую невестку!

Только отчаяние убитой горем матери могло подсказать ей такое черствое и по своей сути жестокое решение. Решение всех ее проблем с сыном было более чем очевидным, это решение сидело прямо перед ней – в виде тихой, невинной внучки, которая так всем напоминала свою мать... Эту девочку легко поставить на колени, ею легко манипулировать. Пришла ее очередь принять эстафету своей матери, которую так все ненавидели. В этот момент женщина, которая пыталась заменить мне мать, вдруг отреклась от этой роли навсегда, отправив меня на мучительное заклятие. В ее глазах, несколько минут сыновней благодарности с лихвой окупало любое жертвоприношение.

Итак, после нескольких лет затишья началась новая война – на этот раз против меня. Мама, представлявшая бывший оппозиционный лагерь, давно сложила оружие и жила своей жизнью. Ей и в голову не приходило, что настанет день, когда ее дочери придется расплачиваться за все её грехи и ошибки, и она ничего не предпримет, чтобы уберечь или защитить меня. Вместо этого она будет злорадно повторять: «Надеюсь, ты убедилась, что это за люди. Теперь ты понимаешь, как я с ними намучалась?».

После двух кругов Ада – Ненужности и Вины, мне предстояла новая война и новый круг испытаний. Но на этот раз война была только моей – я была маленьким одиноким воином, безоружным оловянным солдатиком, сражавшимся в долгой тени своей матери! И эту войну я сокрушительно проиграла...

Глава 3. Стыд

Какая упорная повторяемость линий судьбы! Мои мама и бабушка потеряли своих отцов в возрасте 7-8 лет. Мой отец не умер, но мне тоже было суждено его потерять, когда мне исполнилось семь лет. Он уехал и оставил меня в этой ненавистной коммунальной квартире с двумя женщинами, которые были непримиримыми врагами и совершенно неподходящими воспитателями. Теперь он стал навещающим отцом, и приезжал к нам пару раз в год. Обычно это были командировки или отпуск, когда он оставался на пару дней, чтобы потом ухать в Крым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.